

ГЛАВА 7

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ-СИРОТ¹

А. И. Лактионова, А. В. Махнач

Подростковый возраст является кризисным периодом развития, совпадающим с вхождением в социальную среду при отсутствии достаточного опыта адаптации. Подростки характеризуются повышенной активностью, сравнительно небольшими ресурсами совладания и защиты, недостаточным уровнем контроля и способности управления собственными психическими проявлениями, особенно в нестандартных ситуациях, отсутствием внутренней психологической определенности, разноплановостью и разнородностью психики (Селиванов, 2003). В связи с этим перед ними встает множество проблем, связанных с социализацией и адаптацией. Именно в подростковом возрасте идет активный процесс формирования внутренних ресурсов личности, сказывающихся на развитии жизнеспособности, являющейся системной характеристикой подростка, которая определяет проявления его активности и адаптивности. Жизнеспособность следует рассматривать в качестве индивидуальной способности к управлению собственными ресурсами, обеспечивающей высокий уровень личностной психической адаптации, а также социальной и профессиональной самореализации человека в условиях социальных, культурных норм и средовых условий (Лактионова, 2013а). Дж. Вейлэнт дал образное и при этом точное описание жизнеспособных людей как напоминающих «свежие веточки на живом основном корне. Когда их сгибают, такие ветки изгибаются, но не ломаются, – вместо этого они выпрямляются обратно и продолжают расти» (Vaillant, 2002, p. 285).

Так как жизнеспособность – ключевой фактор способности детей справляться с трудностями и выживать в условиях невзгод (Grotberg,

1 Государственное задание ФАНО РФ №0159-2015-0007.

1995), содействие развитию жизнеспособности ребенка-сироты является необходимым элементом процесса его воспитания. Более пяти десятилетий исследований феномена сиротства показывают, что дети-сироты, долгое время пребывающие в интернатном учреждении, имеют высокий риск нарушений когнитивного, поведенческого, эмоционального и социального развития (Н. М. Аксарина, Л. И. Божович, Й. Лангмейер, М. И. Лисина, З. Матейчек, А. М. Прихожан, А. Г. Рузкая, Н. Н. Толстых, Н. Л. Фигурин, Н. П. Щелованов, Р. Барт, М. Берри, Дж. Боулби, Д. Бродзински, В. Деннис, У. Р. Фэйрбэйрн, А. Фрейд, У. Голдфарб, Ф. Юфер, А. Кадушин, М. Раттер, Р. Спитц, Б. Тизард, Д. Винникотт и др.). Эти нарушения могут привести к устойчивому неблагоприятному подростков-сирот (отвержению сверстниками, школьной неуспеваемости, преступности и безработице в будущем), которое является следствием их неспособности регулировать свои эмоции и социальное поведение. В результате выпускники сиротских учреждений не могут приспособиться к условиям социума, что приводит к их социальной дезадаптации.

В последнее время разрабатывается экологический подход в изучении жизнеспособности подростков и молодежи, в частности, четырехаспектная экологическая модель (Ungar et al., 2005). На ее основе выявление жизнеспособности подростка происходит посредством оценки четырех областей: 1) черт личности и индивидуальных характеристик, 2) отношений с близкими, 3) влияния общества и государства, 4) включенности в культуру, культурную традицию. В рамках этого подхода, в основе которого лежит теория экологических систем У. Бронфенбреннера, было проведено и наше исследование жизнеспособности подростков-сирот.

В качестве системных элементов жизнеспособности выступают факторы риска и защиты, охватывающие все контексты развития – внутриличностный, межличностный, надличностный и органический. Факторы, усиливающие жизнеспособность, являются защитными, снижающие ее – факторами риска.

Рассматривая факторы риска и защитные факторы (факторы жизнеспособности) *во внутриличностном контексте* развития, мы выделили следующие личностные и поведенческие характеристики, связанные, согласно нашей гипотезе, с жизнеспособностью подростков и способствующие адаптации: эмоциональная регуляция, мотивация достижений, уровень субъективного контроля, особенности самооценки и отношения к другим людям.

Изучая факторы риска и факторы жизнеспособности в *межличностном контексте* развития подростков, мы рассматриваем систему их взаимоотношений, включающую характеристики отношений со сверстниками, членами семьи, оценку их конфликтности (теплоты), отношение к родительской заботе.

Надличностный контекст развития подростков включает переменные, относящиеся к обществу и государству (отношение к школе, к возможности получить образование, к вариантам проведения досуга, к ощущению своей безопасности в стране) и к культуре (принятие/отторжение культуры (субкультуры), в которой подросток живет, отношение к неформальным молодежным движениям).

Органический контекст развития жизнеспособности подростков в исследовании не рассматривался.

Ранее для изучения жизнеспособности и социальной адаптации подростков нами были проведены эмпирические исследования в группах учащихся старших классов московских общеобразовательных школ (в нашем исследовании – адаптивные подростки) и учащихся школы для детей с девиантными формами поведения (группа дезадаптивных подростков) (Лактионова, 2010, 2013б, 2014). Нашей целью в этих исследованиях было изучение взаимосвязей между жизнеспособностью, социальной адаптацией, личностными и поведенческими характеристиками и средовыми факторами у подростков с нормативным и девиантным поведением.

В данной главе обсуждаются результаты исследования особенностей жизнеспособности и социальной адаптации подростков-сирот, а также приводится сравнение по ряду показателей между всеми тремя группами.

Методика исследования

Для исследования жизнеспособности и социальной адаптации подростков-сирот были использованы: Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи (Child and Youth Resilience Measure, CYRM; Ungar et al, 2005); Шкала социально-психологической приспособленности К. Роджерса, Р. Даймонд (адаптация Т. В. Снегиревой); Тест мотивации достижений А. Мехрибиана (ТМД) (адаптация М. Ш. Магомед-Эминова). Перечень характеристик, оцениваемых с помощью этих тестов, указан в таблице 1.

Таблица 1
Цели оценки и методики эмпирического исследования,
условное обозначение методик

Цель оценки	Методика, условное обозначение методик
Жизнеспособность подростков	Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи (CYRM, тест I)
Средовые условия	Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи (CYRM, тест I)
Личностные характеристики подростков	Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи (CYRM, тест I); Шкала социально-психологической приспособленности К. Роджерса, Р. Даймонд (тест II); Тест мотивации достижений А. Мехрибиана (ТМД, тест III);
Социальная адаптация подростков	Шкала социально-психологической приспособленности К. Роджерса, Р. Даймонд (тест II).

С целью выявления феноменов, характеризующих особенности жизнеспособности и социальной адаптации подростков-сирот, нами были использованы методы статистической обработки данных (корреляционный и факторный анализы), которые проводились с помощью пакета статистического анализа SPSS for Windows 13.0. Для установления достоверности различий был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Участники исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие подростки-сироты, воспитывающиеся в интернатных учреждениях г. Москвы (n=42), из них девушки – 57%, юноши – 43%. Средний возраст участников – 16,1 лет (min – 15, max – 17 лет). Группа «адаптивных» подростков, учащихся старших классов московских общеобразовательных школ, и группа «дезадаптивных» подростков, учащихся школы для детей с девиантными формами поведения (n=186), участвовали в исследовании в качестве групп сравнения. Из этих двух групп учащихся 9–11 классов московских общеобразовательных школ – 101 человек; учащихся специальной школы для детей с девиантным поведением – 85 человек. 51,5% в обеих группах составляли девушки, 48,5% – юноши.

Результаты исследования

Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков

Социальная адаптация является «процессом включения личности во взаимодействие с социальной средой, предполагающим ориентировку в ней, осознание проблем, возникающих в ходе этого взаимодействия, и нахождение путей их разрешения, выбор наиболее адекватной деятельности в данных условиях с целью достижения соответствия между собой и социальной средой» (Миллер, 2007, с. 159). Нами была выдвинута гипотеза о том, что существует взаимосвязь между жизнеспособностью подростка и его социальной адаптацией.

Для исследования взаимосвязей между жизнеспособностью, социальной адаптацией и социальной дезадаптацией во всех трех группах нами был проведен корреляционный анализ данных (коэффициент ранговой корреляции Спирмена). Полученные результаты подтвердили наличие взаимосвязи между всеми показателями, измеряющими адаптацию и жизнеспособность подростков (см. таблицу 2).

При сравнении средних значений показателей (Т-тест, 95% доверительный интервал для среднего значения) была выявлена взаимосвязь между степенью выраженности коэффициентов социальной адаптации/дезадаптации и коэффициентом жизнеспособности в трех группах (см. таблицу 3).

Таким образом, в исследовании было выявлено наличие взаимосвязи между жизнеспособностью, социальной адаптацией и социальной дезадаптацией во всех трех группах. Чем выше коэффициент жизнеспособности, как, например, в группе адаптивных подростков – 131,8 баллов, тем ниже коэффициент социальной дезадапта-

Таблица 2

Корреляционные связи между «Коэффициентом жизнеспособности» (тест I) и коэффициентами адаптации/дезадаптации в трех группах (тест II), $p \leq 0,05$

Показатели	Адаптивные подростки	Дезадаптивные подростки	Подростки-сироты
Коэффициент адаптации	0,6	0,4	0,9
Коэффициент дезадаптации	-0,4	-0,4	-0,6

Таблица 3

Данные по «Коэффициенту жизнеспособности» (тест I), коэффициентам социальной адаптации/дезадаптации (тест II) в трех группах (значения среднего, стандартная ошибка среднего)

Показатели	Адаптивные подростки	Деадаптивные подростки	Подростки-сироты
Коэффициент жизнеспособности	131,8±0,1	108,9±0,9	114,1±2,8
Коэффициент социальной адаптации	52,5±0,7	32,0±0,9	38,7±1,8
Коэффициент социальной дезадаптации	12,3±0,6	27,0±0,6	18,3±1,3

ции (12,3) и тем выше коэффициент социальной адаптации (52,5). В группе дезадаптивных подростков наблюдается наиболее низкий коэффициент жизнеспособности в сравнении с другими группами (108,9 балла) и самый высокий коэффициент социальной дезадаптации (27,0).

Нами было также показано, что если жизнеспособность подростков не опирается на внутренние ресурсы личности, она не связывается с их социальной адаптацией (Лактионова, 2013б). В данном случае сложно увидеть различие между защитными факторами и жизнеспособностью подростка. При этом он может быть защищен внешними факторами жизнеспособности (социум, взаимоотношения), не развивая собственной жизнеспособности. Полученные нами данные подтверждают необходимость формирования жизнеспособности у детей и подростков, развивая у них необходимые личностные и поведенческие характеристики.

Сравнение взаимосвязей между личностными и поведенческими характеристиками подростков и их жизнеспособностью в трех группах

С помощью корреляционного анализа были рассмотрены взаимосвязи между личностными и поведенческими характеристиками всех трех групп испытуемых и их социальной адаптацией/дезадаптацией и жизнеспособностью (Лактионова, 2010). Результаты исследований показали, что индивидуально-личностные характеристики, положительно связанные с жизнеспособностью, различаются в группах испытуемых. Так, у адаптивных подростков на первый план выхо-

дят уровень эмоциональной регуляции, доминирование в отношениях и мотивация достижений. В группах дезадаптивных и сирот основными характеристиками, связанными с жизнеспособностью, являются позитивная самооценка, положительное отношение к другим людям, внутренний локус контроля (у дезадаптивных только при позитивной самооценке и положительном отношении к другим людям), а также уровень эмоциональной регуляции и мотивация достижений, что является общим для всех групп. Отрицательное влияние на жизнеспособность и социальную адаптацию подростков-сирот оказывает низкая самооценка, негативное отношение к другим людям, внешний локус контроля и низкий уровень эмоциональной регуляции. В группе дезадаптивных подростков очень важными характеристиками, отрицательно связанными с жизнеспособностью, являются низкая самооценка и негативное отношение к другим людям.

Сравнительная характеристика выраженности личностных особенностей

При сравнении средних значений показателей (Т-тест, 95% доверительный интервал для среднего значения) в трех группах были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) между следующими показателями личностных и поведенческих характеристик: мотивация достижения, уровень субъективного контроля (локус контроля), уровень эмоционального комфорта/дискомфорта, особенности самооценки (см. таблицу 4).

Таким образом, было установлено следующее:

1. Личностные и поведенческие характеристики, положительно связанные с жизнеспособностью и социальной адаптацией, имеют меньшую выраженность в группе подростков-сирот и особенно в группе дезадаптивных подростков по сравнению с группой адаптивных подростков. Личностные и поведенческие характеристики, отрицательно связанные с жизнеспособностью и социальной адаптацией, наоборот, имеют большую выраженность в группах дезадаптивных подростков и подростков-сирот.
2. Личностные и поведенческие характеристики адаптивных подростков относятся к защитным факторам (факторам жизнеспособности). Личностные и поведенческие характеристики дезадаптивных подростков и подростков-сирот относятся к факторам риска, понижающим их жизнеспособность.

Таблица 4

Показатели личностных и поведенческих характеристик подростков в трех группах (значения среднего, стандартная ошибка среднего)

Показатель	Адаптивные подростки	Деадаптивные подростки	Подростки-сироты
Мотивация достижений*	134,3±1,9	117,8±1,8	121,1±2,1
Принятие себя	14,6±0,2	8±0,3	9,78±0,7
Непринятие себя	1,6±0,1	5,5±0,1	3,57±0,4
Принятие других	9,8±0,2	6,5±0,2	8±0,4
Непринятие других	2±0,1	4±0,2	2,4±0,3
Внутренний локус контроля	13,1±0,3	8,4±0,3	10,6±0,6
Внешний локус контроля	4±0,2	7,6±0,2	5,2±0,4
Эмоциональный комфорт	11,8±0,3	5,9±0,3	8,4±0,6
Эмоциональный дискомфорт	3,2±0,3	8±0,2	5,2±0,5

Примечание: * – средний уровень мотивации достижения составляет 121–142 балла, низкий уровень мотивации достижения составляет 86–120 баллов.

3. Низкий уровень жизнеспособности и социальной адаптации дезадаптивных подростков и подростков-сирот определяется, в частности, дефицитом у них психологических ресурсов. Одной из причин социальной дезадаптации подростков является недостаточная степень выраженности личностных и поведенческих характеристик, положительно связанных с жизнеспособностью и социальной адаптацией, и избыточная выраженность характеристик, связанных с ними отрицательно.

Взаимосвязь средовых условий с жизнеспособностью в трех группах

Жизнеспособность в группе подростков-сирот так же, как и у дезадаптивных подростков, при определенных условиях положительно связана со средовыми условиями взаимоотношений, социума и культуры. В группе социально адаптированных подростков, изученных нами ранее (Лактионова, 2010, 2013б, 2014; Махнач, Лактионова, 2013), жизнеспособность определяется только средовыми условиями взаимоотношений и социума (см. таблицу 5). Следует отметить,

Таблица 5

Взаимосвязь показателей средовых условий и коэффициента жизнеспособности в трех группах

Показатели средовых условий	Адаптивные подростки	Деадаптивные подростки	Подростки-сироты
Взаимоотношения	положительная связь	положительная связь	положительная связь
Социум	положительная связь	положительная связь (при условии позитивной самооценки и положительного отношения к другим людям)	положительная связь (при условии позитивной самооценки)
Культура	нет связи	положительная связь	положительная связь

что защитное обесценивание других снижает жизнеспособность дезадаптивных подростков и не позволяет им эффективно использовать средовые ресурсы взаимоотношений, социума и культуры. В свою очередь, отрицательное влияние на жизнеспособность и социальную адаптацию подростков-сирот оказывает низкая самооценка. Как следствие – сниженная жизнеспособность, о чем свидетельствуют результаты сравнения средних значений всех показателей. Среднее значение коэффициента жизнеспособности в этих группах также меньше, чем в группе адаптивных подростков (см. таблицу 3).

Взаимосвязь средовых условий с социальной адаптацией в трех группах

По данным тестирования, социальная адаптация связана со следующими средовыми условиями: взаимоотношения, социум, культура (см. таблицу 6). Мы видим, что показатели средовых условий социума отрицательно связаны с коэффициентом социальной адаптации в группах адаптивных и девиантных подростков. При этом в группе адаптивных подростков показатель, оценивающий влияния социума, связан с доминантным поведением и отрицательным отношением к другим людям. В группе дезадаптивных подростков этот же коэффициент связан с низкой самооценкой и также негативным отношением к другим людям. Такая взаимосвязь определяет необходимость развития защитных механизмов, чрезмерность которых (выраженность таких переменных, как внешний локус контроля и неприня-

Таблица 6
Взаимосвязь показателей средовых условий
с коэффициентом социальной адаптации

Показатели средовых условий	Адаптивные подростки	Деадаптивные подростки	Подростки-сироты
Взаимоотношения	положительная связь	нет связи	положительная связь (при условии позитивной самооценки)
Социум	отрицательная связь	отрицательная связь	положительная связь (при условии позитивной самооценки)
Культура	положительная связь	нет связи	положительная связь (при условии позитивной самооценки)

тия других) способствует возникновению социальной дезадаптации (Лактионова, 2014). Таким образом, социальная адаптация дезадаптивных подростков зависит только от их личностных качеств, формированию которых не способствуют средовые условия социума.

Коэффициент социальной адаптации у подростков-сирот в сравнении с двумя другими группами имеет больше положительных связей с показателями средовых условий в том случае, если последние способствуют позитивной самооценке сирот, что получило подтверждение и в результатах факторного анализа (см. таблицу 8).

Коэффициенты жизнеспособности и социальной адаптации у адаптивных подростков выше, а коэффициент социальной дезадаптации у них ниже, чем в двух других группах (см. таблицу 3). Нами было показано, что основными показателями жизнеспособности в группе адаптивных подростков являются средовые, к которым относятся взаимоотношения (см. таблицу 6). Мы также пришли к выводу, что к защитному фактору, помогающему подросткам совладать с многочисленными стрессами, относится их знание о том, на что можно рассчитывать, понимание и поддержка семьи и сверстников, а также принятие традиций своей семьи, своего окружения (Лактионова, Махнач, 2010).

При сравнении средних значений показателей средовых условий жизнеспособности (Т-тест, 95% доверительный интервал для среднего значения) в трех группах было выявлено, что их выраженность также выше в группе адаптивных школьников (см. табл. 7).

Таблица 7

Сравнительная характеристика показателей средовых условий (тест I) (значения среднего, стандартная ошибка среднего)

Показатель средовых условий	Адаптивные подростки	Дезадаптивные подростки	Подростки-сироты
Взаимоотношения	46,0±0,6	40,0±0,7	40,7±1,0
Социум	38,1±0,6	32,7±0,5	31,8±1,1
Культура	16,7±0,4	15,1±0,4	16,9±0,6

Особенности жизнеспособности и социальной адаптации в группе подростков-сирот

Для изучения особенностей жизнеспособности и социальной адаптации в группе подростков-сирот как многокомпонентной системы был применен факторный анализ. Он позволил преобразовать исходный материал в более простое, информативно сжатое пространство независимых, наиболее значимых характеристик, названных главными компонентами и объясняющих значительную долю разброса исходных данных. В ходе анализа факторной матрицы, составленной из коэффициентов социальной адаптации/дезадаптации, жизнеспособности, показателей личностных и поведенческих характеристик, а также показателей средовых условий, были обнаружены некоторые особенности, характеризующие подростков-сирот.

По результатам факторного анализа мы получили факторную матрицу с тремя компонентами (факторами), объясняющими 73,95% общей дисперсии данных. Все переменные имеют нагрузки (0,3 и выше) на компоненту, что подтверждает хорошее качество решения факторного анализа (см. таблицу 8).

Рассмотрим все три фактора.

Первый фактор – «Жизнеспособность» (процент объясняемой дисперсии равен 38,29% данных). В этом факторе коэффициент жизнеспособности имеет нагрузку 0,88, что и определило название фактора. Также наибольшую нагрузку имеют показатели «Взаимоотношения», «Социум» (тест I), коэффициент социальной адаптации, «Принятие себя» (тест II) и «Мотивация достижений» (тест III).

В ряде исследований было обнаружено, что жизнеспособные подростки-сироты имеют личностные характеристики, которые вместе с защитными функциями среды, предоставляемой детскими дома-

Таблица 8

Матрица трех факторов (компонент) после Варимакс-вращения, полученная по данным группы подростков-сирот

Показатели		Факторы		
		1	2	3
I	Взаимоотношения	0,85		
	Социум	0,71		0,43
	Культура	0,58		
	Личность	0,61	0,61	
	Коэффициент жизнеспособности	0,88	0,32	
II	Коэффициент социальной адаптации	0,84	0,43	
	Коэффициент социальной дезадаптации		-0,85	-0,42
	Принятие себя	0,80	0,36	
	Непринятие себя	-0,34	-0,69	
	Принятие других	0,62		0,60
	Непринятие других		-0,37	-0,89
	Внутренний локус контроля	0,71	0,50	
	Внешний локус контроля		-0,66	
	Эмоциональный комфорт	0,64	0,52	
	Эмоциональный дискомфорт		-0,78	
III	Мотивация достижений	0,72		

Примечание: I – Шкала оценки жизнеспособности детей и молодежи; II – Шкала социально-психологической приспособленности К. Роджерса, Р. Даймонд; III – Тест мотивации достижений А. Мехрибиана.

ми, являются буфером в их взаимодействии с негативными внешними влияниями (Fayombo, 2010; Masten, Coatsworth, 1998; и др.). Настоящее исследование показало, что такими личностными характеристиками являются позитивная самооценка, положительное отношение к другим людям, уровень эмоциональной регуляции (редуцирующий эмоциональное напряжение), внутренний локус контроля и мотивация достижений, положительно связанные с жизнеспособностью и социальной адаптацией. Отрицательное влияние на жизнеспособность и социальную адаптацию подростков-сирот

оказывает низкая самооценка, что подтверждается данными других исследований (Быков, 2004; Реан, 2001; и др.).

Второй фактор – «Социальная дезадаптация» (24,26% объясняемой дисперсии), в который вошли показатели: коэффициент социальной дезадаптации, показатели «Эмоциональный дискомфорт», «Непринятие себя» (тест II), «Личность» (тест I), что указывает на взаимосвязь личностных качеств и социальной дезадаптации. Личностные качества, влияющие на социальную дезадаптацию подростков-сирот и отрицательно связанные с их жизнеспособностью, определяют негативное отношение к другим людям, низкие самооценку и уровень эмоциональной регуляции, внешний локус контроля. Это соответствует данным, полученным нами на выборках учащихся старших классов общеобразовательных школ и школы для детей с девиантными формами поведения.

Третий фактор – «Непринятие других» (11,40% объясняемой дисперсии), в который вошли показатели: «Непринятие других» (тест II), «Социум» (тест I). Включение этих показателей в фактор показывает, что негативное отношение к другим людям у подростков-сирот так же, как и у дезадаптивных подростков, является основной личностной характеристикой, положительно связанной с их социальной дезадаптацией (Лактионова, 2010, 2013б, 2014; Махнач, Лактионова, 2013).

Обсуждение результатов

Проведенные исследования выявили, что показатели уровня жизнеспособности и социальной адаптации у подростков-сирот, проживающих в интернатных учреждениях, выше, чем у дезадаптивных подростков, обучающихся в школе для детей с девиантными формами поведения. Это указывает на то, что в период проживания в интернатном учреждении подростки-сироты лучше, чем дезадаптивные подростки, адаптированы к средовым условиям. По-видимому, это связано с тем, что они живут в учреждениях, где существующая окружающая среда достаточно зарегулирована, но при этом вынуждены постоянно приспосабливаться к специфическим интернатным условиям, что, в свою очередь, формирует их особые личностные характеристики. Так, по данным Н. М. Иовчук и соавторов, подростки и юноши – выпускники сиротских учреждений эгоцентричны, насторожены, лишены синтонности, сопереживания. Их эмоциональные

реакции сложно прогнозировать, что крайне затрудняет их общение с окружающими. У большинства девочек-подростков выражены маскулинные черты, что объясняется одинаковым для детей разного пола стилем воспитания в домах ребенка и интернатах, а также необходимостью с раннего возраста без помощи взрослых «защищаться» от сверстников, а порой и от персонала. Эти особенности детей-сирот не относятся к проявлениям психической патологии, а лишь определяют общие их психологические черты: недоразвитие когнитивной и эмоциональной сферы, нарушение самоконтроля, межличностных отношений (Иовчук и др., 2008; Авдеева, Хаймовская, 2003; Лангмейер, Матейчек, 1984; Мухина, 1981; Прихожан, Толстых, 1991, 2007; и др.).

Все вышесказанное доказывает, что психологическая адаптация к специфичным условиям среды создает некий общий тип личности, характерный для выпускников интернатных учреждений. Проблема развития таких детей отягощается еще и тем, что в преобладающем большинстве случаев у социальных сирот и в 100% случаев у детей-сирот, воспитывающихся в интернате вспомогательного типа, выявляются остаточные явления ранней резидуально-органической церебральной недостаточности (Иовчук и др., 2008). Многочисленные исследования указывают на негативное влияние институционализации на развитие мозга у маленьких детей, которое обусловлено дефицитом необходимых средовых воздействий в течение сензитивного периода (Greenough et al., 1987; Nelson et al., 2011; Parker et al., 2005). По данным М. Раттера, пребывание в доме ребенка более 6 месяцев затрудняет их развитие даже в том случае, если в дальнейшем они воспитываются в полноценной замещающей семье (Rutter, 1998). Исследования модели психического у детей-сирот, описывающей способность понимать себя и других на основе внутренних моделей ментальных состояний, показали, что она имеет у них дефицитарный характер (Сергиенко, 2005; Сергиенко и др., 2009).

К тому же большинство детей-сирот, воспитывающихся в интернатных учреждениях, обладает отягощенной наследственностью. Тем не менее, исследования М. С. Егоровой и соавторов показывают, что генетические факторы определяют не более 50% общей вариативности психологических признаков, а иногда и значительно меньше. Это означает, что больше половины вариативности связано с различными воздействиями внешних по отношению к индивиду условий (Егорова и др., 2004). Также исследования Д. С. Корниен-

ко выявили, что коммуникативные параметры по мере взросления утрачивают связь с генотипом и становятся более зависимыми от особенностей социального взаимодействия. Усиление средовых влияний при этом связано с реализацией приспособительной функции всего темперамента (Корниенко, 2010).

Таким образом, можно сделать вывод о сложности формирования позитивной психологической и социальной адаптации у воспитанников интернатных учреждений. И дело не только в том, что у них не сформированы социально-бытовые навыки, что связано с зарегулированностью их жизни в учреждении, а скорее в невозможности развивать автономию, принимать самостоятельные решения, что и тормозит их развитие. В результате выпускники сиротских учреждений не умеют предвидеть последствия своего поведения, планировать деятельность, прогнозировать будущее, ставить себе цель и последовательно добиваться ее осуществления, оказываются не готовыми к самостоятельной жизни (Иовчук и др., 2008). Следствием этого является неполная или недостаточная социально-психологическая адаптация, неприспособленность к жизни, школьная дезадаптация, девиантное поведение (Прихожан, Толстых, 2007).

Конечно, существует педагогический опыт А.С. Макаренко, который по решению ЮНЕСКО в 1988 г. признан одним из четырех педагогов (наряду с Дж. Дьюи, Г. Кершенштейнером и М. Монтессори) определивших педагогическое мышление в XX в. Как известно, его выпускники были отлично адаптированы и социализированы. Этому способствовали система ученического самоуправления в воспитательных учреждениях, разновозрастные группы, в которых позитивный опыт передавался от старших к младшим, профессиональное воспитание (его воспитанники получали профессии, по которым они могли работать после выхода из колонии), коллективное распоряжение заработанными финансами и т. д. А самое главное – это требовательное и уважительное отношение к воспитанникам, культивируемое в его учреждениях. В своей статье «Проблемы школьного советского воспитания (лекции)» Макаренко писал, что сущностью его педагогического опыта является требовательное уважение к человеку. Требования, предъявляемые к личности, выражают и уважение к ее силам и возможностям, и в этом уважении предъявляются в то же самое время и требования к личности (Макаренко, 1949). Вместе с тем следует помнить, что, во-первых, поколение сирот, с которыми он работал, было иным, нежели воспитанники современных

интернатных учреждений, в своем большинстве являющиеся социальными сиротами. Во-вторых, педагогическая система А. С. Макаренко опиралась на морально-нравственные установки, которые были приняты не только в его колониях, но и в обществе в целом. Это давало возможность формировать у выпускников систему нравственных ценностей, которой они могли руководствоваться в своей самостоятельной жизни. В настоящее время при размытой системе ценностей в обществе в целом повторение такого опыта становится крайне затруднительным. У современных детей-сирот не могут формироваться нравственные качества и характеристики «мировоззренческой» эмоциональности, которые, по мнению В. М. Русалова, при отсутствии адекватных условий социальной среды не созревают никогда (Русалов, 2006). С точки зрения Э. Эриксона, успешный переход к взрослости связан с формированием идентичности, при этом «социальным институтом, отвечающим за идентичность, является идеология» (Эриксон, 1996, с. 144–145). Идентификация формируется в процессе социализации и может быть утрачена по двум основным причинам: в результате кардинальных психических изменений или в результате быстрых и значительных изменений окружающей социальной среды. Именно такие изменения и происходят в жизни этих ребят после выхода из сиротских учреждений. Они попадают в мир, которого не знают и, соответственно, в нем не ориентируются – отсюда социальная некомпетентность, отсутствие гибкости и пластичности при смене обстановки (Иовчук и др., 2008), обусловленные особенностями их развития, отягощающими процесс их социализации. При этом, по мнению Э. Эриксона, молодые люди ищут не только идеи, но и людей, которым они могли бы верить. Предыдущая стадия развития «завещала» «кризису идентичности» важную потребность в доверии себе и другим (Эриксон, 1996). Этим, а также общим недоразвитием их эмоциональной и когнитивной сферы может объясняться и чрезмерная доверчивость, недифференцированная склонность принимать любое внимание за дружбу (Иовчук и др., 2008). Для формирования самоидентичности молодой человек должен чувствовать, что другие его понимают и любят, что общество к нему справедливо. Но, к сожалению, выпускники сиротских учреждений чаще всего сталкиваются с равнодушием и несправедливостью, что порождает ощущения одиночества и беспомощности, формирующие базальную тревогу, и является главной причиной молодежной девиантности (Хорни, 1997). Все это застав-

ляет их обращаться к привычному источнику идентичности – детскому «мы». Согласно мнению А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых, они делят мир на «своих» и «чужих», на «мы» и «они». От чужих они обособляются, ведут себя с ними агрессивно, готовы использовать в своих целях. Психологическое отчуждение от людей создает внутренние условия, которые затем становятся благоприятной почвой для правонарушений (Прихожан, Толстых, 1991). Поэтому общество может являться фактором жизнеспособности и социальной адаптации подростков и молодых людей, и особенно подростков-сирот, но только при условии уважительного, справедливого отношения к ним (Лактионова, Махнач, 2010). Доказательством такой взаимозависимости является выявленная в нашем исследовании положительная связь показателей «Принятие себя», «Принятие других людей», «Внутренний локус контроля», «Эмоциональный комфорт», «Мотивация достижения» с тремя показателями средовых влияний (культура, взаимоотношения и социум) (см. фактор 1).

Известно, что средовые воздействия оказывают положительное влияние на жизнеспособность и социальную адаптацию подростков-сирот до тех пор, пока те пребывают в сиротских учреждениях. Однако для их жизнеспособности и социальной адаптации в постинтернатный период необходимы личностные качества, которые позволят им не только справиться с трудностями, но и позитивно развиваться в будущем. Как показало наше исследование, к этим качествам относятся: позитивная самооценка, положительное отношение к другим людям, уровень эмоциональной регуляции, позволяющий редуцировать психоэмоциональное напряжение, внутренний локус контроля и мотивация достижений.

Рассмотрим подробнее такие личностные характеристики, как самооценка, отношение к другим людям и локус контроля.

Самооценка

Самооценка как системообразующее ядро индивидуальности является также важным ресурсом жизнеспособности и, как следствие, социальной адаптации человека (Ваништендаль, 1998; Венар, Кериг, 2004; Kobasa, 1979; Luthar, 1993; Werner, 1993; и др.). Полученные нами данные о позитивном влиянии положительной самооценки на уровень социальной адаптации согласуются с выводами других исследователей. Известно, что самооценка в значительной степени определяет социальную адаптацию индивида и воздействует на фор-

мирование его стиля поведения (Реан и др., 2008; Соколова, 1989; и др.). Исследователи жизнеспособных детей и подростков отмечают их уверенность в себе как характеристику самооценки. Трудности и непредвиденные ситуации их не смущают (The invulnerable child, 1987). Это подтвердили и результаты нашего исследования: у подростков-сирот так же, как и у дезадаптивных подростков позитивная самооценка связана с социальной адаптацией и жизнеспособностью, и наоборот. В группе адаптивных подростков она сопряжена только с социальной адаптацией, так как их жизнеспособность в большой мере связана с ресурсами среды и социальными способами совладания и эмоциональной регуляции (Лактионова, 2010; Махнач, Лактионова, 2013). Такие же результаты показало исследование Г. Ясина и Н. Икбаль, в котором была получена достоверная положительная корреляция между самооценкой и жизнеспособностью подростков-сирот и отрицательная корреляция между самооценкой и тенденцией к деликвентному поведению у них. Подростки из семей значительно отличаются с точки зрения их жизнеспособности и склонности к деликвентному поведению ($p < 0,05$) от подростков из детских домов ($p < 0,001$), и очевидно, что подростки, воспитывающиеся в семьях, имеют невыраженные тенденции к деликвентности и высокую жизнеспособность, по сравнению с подростками-сиротами. Однако, сравнивая подростков-сирот и подростков из обычных семей с точки зрения их самооценки, исследователи не получили значимых различий: по этой характеристике подростки не различались (Yasin, Iqbal, 2013). Эти данные противоречат результатам нашего исследования, которые обнаружили статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) по показателям самооценки в трех группах (см. таблицу 4).

В формировании самооценки ведущая роль, по мнению большинства исследователей, принадлежит межличностным отношениям. Так, в группе адаптивных подростков позитивная самооценка связана с их взаимоотношениями, а в группе подростков-сирот и в группе дезадаптивных такая связь не прослеживается (Лактионова, 2014). Этим фактом можно объяснить более низкие значения показателя «Принятие себя» в группах сирот и дезадаптивных подростков по сравнению с адаптивными (см. таблицу 4). Р. Бернс отмечал, что вследствие материнской депривации развивается негативная Я-концепция и замкнутая, бесчувственная, агрессивная личность. Агрессия и враждебность служат и для защиты Я-концепции, явля-

ющей крайне уязвимой (Бернс, 1986, с. 159). У. Фэйрбэйрн объясняет постоянную агрессивность в поведении детей-сирот тем, что память об отвержении их матерью должна по необходимости оставаться в Эго ребенка. Агрессивность сироты косвенно служит для защиты возможной потери даже той небольшой любви, которая будет присутствовать в его отношениях с матерью, если она вернется. Его прямая агрессия проявляется только тогда, когда ребенок отождествляет себя с отвергающим объектом и находит жертв, которые не могут ответить, таких, как младшие дети или животные. Защитный механизм второго уровня, который играет важную роль в формировании навязчивости в структуре личности, У. Фэйрбэйрн называл «моральной защитой от плохих объектов» (Sutherland, 1989). Так, подростки-сироты, многие из которых являются социальными сиротами (их родители лишены родительских прав), на вопрос «Ты чувствуешь тепло близких, и дом для тебя не только место, чтобы переночевать под крышей?» (тест 1) часто дают положительный ответ. Этот факт можно трактовать скорее как защитную реакцию отрицания, являющуюся своеобразным способом совладания с ситуацией, чем реальное положение вещей. Отвечая так, подросток идеализирует семью и отвергает себя. Иначе ему придется признать вину семьи в том, что с ним произошло, что, в свою очередь, приведет к дискриминации семьи и положительного прошлого опыта. Обе позиции – отвержение себя или семьи – психологически обоснованы, но не способствуют успешному приспособлению к новой ситуации, установлению новых связей и сохранению эмоциональной связи с родителями (Психология социальной работы, 2002). У. Фэйрбэйрн отмечал, что многие из пострадавших от насилия и безнадзорности дети, которых он обследовал, когда работал в детском доме в Эдинбурге, были готовы долго осуждать себя как плохого, но, наоборот, защищали доброту и добродетельность своих родителей (Sutherland, 1989): «Становится очевидным, что ребенок скорее будет говорить плохо о себе, чем о плохих объектах (родителях). Соответственно, у нас есть основания предполагать, что одним из мотивов осознания себя плохим является желание сделать окружающие объекты „хорошими“» (Fairbairn, 1952, p. 65). Пряча от себя реальность, ребенок-сирота будет поддерживать иллюзию, надежду на будущее, веру в то, что он сможет найти ключ к любви своих родителей, оставивших его в детском доме. И наоборот, если ребенок сделает вывод о том, что его родители отвергли его из-за их врожденной подлости, то вся

его вселенная рухнет, поэтому «помещение себя в такие условия является для него ответом, почему лучше быть грешником в мире, где правит Бог, чем жить в мире, где правит дьявол. Грешник в мире, где правит Бог, может быть плохим; но всегда есть определенное чувство безопасности, когда мир вокруг хорош... и в любом случае всегда есть надежда на искупление греха» (Fairbairn, 1952; p. 66–67). Таким образом, низкая самооценка у подростков-сирот может формироваться как защита от невыносимой реальности, но при этом она мешает им адаптироваться, делая их нежизнеспособными. Поэтому формирование позитивной самооценки является очень важной частью психологической и педагогической работы с подростками-сиротами.

Отношение к другим людям

В подростковом возрасте особенности социоэмоционального развития воспитанников интернатных учреждений проявляются, в первую очередь, в системе их взаимоотношений с окружающими людьми. Так, к 10–11 годам у подростков устанавливаются отношения со взрослыми и сверстниками, основанные на их практической полезности для ребенка, формируется «способность не углубляться в привязанности», поверхностность чувств, моральное изживенчество (привычка жить «по указке») (Усынина, 2009, с. 124). А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых выявили два ведущих, общих для большинства детей, воспитывающихся в детских учреждениях, симптомокомплекса: «тревога по отношению к взрослым» и «враждебность по отношению к взрослым». Это свидетельствует о различных формах неприятия ими взрослых и может быть началом агрессивности и асоциального поведения. Во взаимоотношениях со взрослыми они нередко проявляют ничем не обусловленную агрессивность и обидчивость. Их характеризует примитивность и неразвитость форм общения, неумение справляться со сложными ситуациями, низкая толерантность к фрустрации, стремление обвинять окружающих, неумение и нежелание признать свою вину. У таких детей доминируют защитные формы поведения в конфликтных ситуациях и, как следствие, неспособность конструктивно их решать (Прихожан, Толстых, 2007). Негативное отношение к другим людям, согласно полученным нами данным по группе подростков-сирот, является основной личностной характеристикой, положительно связанной с социальной дезадаптацией (фактор 3). Такое отношение также снижает их жизнеспособ-

ность и социальную адаптацию (факторы 1 и 2). В этом подростки-сироты сходны с дезадаптивными подростками, обучающимися в школе для детей с девиантными формами поведения. У последних негативное отношение к другим людям является основной личностной характеристикой, отрицательно сказывающейся на их жизнеспособности (Лактионова, 2010, 2013б, 2014; Махнач, Лактионова, 2013). Полученные нами данные подтверждают результаты других исследований о позитивных отношениях с другими людьми как ресурсе жизнеспособности (Masten, Coatsworth, 1998; Rosenbith, Sims-Knight, 1992; Rutter, 1990). Наблюдая за жизнеспособными детьми и подростками, психологи обнаружили у них ряд общих качеств, среди которых основное – социальная компетентность. Они часто получают характеристики приветливых, умеющих расположить к себе других. Обычно такие дети устанавливают несколько устойчивых, придающих им чувство безопасности и защищенности контактов с другими людьми (Pines, 1984). Для подростков-сирот, в силу особенностей их развития и условий пребывания в интернатных учреждениях, наоборот, характерна социальная некомпетентность, которая может приводить к страху перед социальными контактами.

Негативное отношение к другим первично возникает у детей-сирот как следствие нарушенных эмоциональных связей в родительской семье, если они какое-то время жили с родителями. Как известно, абсолютное большинство сирот, воспитывающихся в настоящее время в интернатных учреждениях, являются социальными сиротами, родители которых лишены родительских прав. В таких семьях дети с раннего возраста пребывали в стрессогенной обстановке. Многие из них пережили болезни и смерть одного из родителей, распад семьи, бедность, бездомность, переезды, травмы, серьезные последствия размещения в различных воспитательных учреждениях, стигматизацию, социальную дискриминацию, эксплуатацию и надругательства над ними (Nyamukara et al., 2008; Richter, 2004). Исследования доказывают, что в результате этих влияний не развивается надежная привязанность, что оказывает разрушительное воздействие на всю дальнейшую жизнь. На основании первых важнейших связей у ребенка формируется внутренняя рабочая модель отношений – образ того, что он ожидает от окружающих и как он к ним относится (Мэш, Вольф, 2007, с. 64). Ряд исследований указывает на потенциально опасное сочетание для ребенка двух факторов: 1) плохого выполнения матерью своих функций и 2) биологи-

ческой уязвимости младенца. Это сочетание приводит к ненадежной амбивалентной привязанности ребенка, который будет испытывать сильные страдания, вспышки гнева, а впоследствии трудности при социальной адаптации (Cassidy, Berlin, 1994; цит. по: Крайг, 2001). Сочетание биологической уязвимости с жестоким обращением дает свой крайне негативный результат. Тем не менее, чем дольше ребенок прожил в семье, даже в патологической, асоциальной семье, но с родной матерью, тем сохраннее остается его эмоциональная сфера (Иовчук и др., 2008). Гораздо более уязвимыми оказываются дети, не имеющие опыта пребывания в родительской семье. Дефицит необходимых средовых воздействий с младенческого возраста, отсутствие любящего взрослого, с которым ребенок может общаться, однообразные и неэмоциональные контакты со взрослыми и детьми, большое количество сменяющихся вокруг них людей не позволяют сформироваться устойчивым эмоциональным связям, нарушают способность понимать других. Нельзя забывать, что негативное отношение к другим людям у подростков-сирот (как и у подростков, обучающихся в школе для детей с девиантными формами поведения), является следствием их пребывания во враждебном социальном мире, а агрессивный стиль реагирования оказывается адаптивной реакцией на этот мир (Мэш, Вольф, 2007). С другой стороны, «сложившиеся в детстве нереалистичные, однобокие интерпретации могут исказить истолкование и осмысливание даже самых благоприятных для развития... ситуаций взаимоотношений людей» (Анцыферова, 1994, с. 15). Это, в свою очередь, может спровоцировать других людей на ответную враждебность, что только усиливает негативные и агрессивные реакции ребенка-сироты. Если его потребность в выражении реакции на горе и/или плач не удовлетворяется, появляются экстремальные реакции, такие как затянувшееся эмоциональное онемение, тяжелая депрессия, антисоциальное поведение, болезни, которые в дальнейшем могут препятствовать развитию ребенка (Mallmann, 2003; Williams, 2002).

В связи с вышесказанным необходимо помочь подростку-сироте осмыслить события своей жизни таким образом, чтобы укрепить его внутренние ресурсы, сформировать желание и способность понимать других людей и тем самым повысить его жизнеспособность. Такое осмысление возможно только при участии взрослого, которому он доверяет, а это предполагает уважительное и доброжелательное отношение взрослого к подростку. Очень важно при этом

проанализировать сильные стороны подростка, способствовавшие выживанию в тяжелейших условиях, через которые ему пришлось пройти. Опыт работы с девиантными подростками показал, что они с большим удовольствием идут на контакт, если речь идет о сильных сторонах их личности, это вызывает у них большой интерес. Разговаривая с подростком о событиях его жизни, анализируя поступки других людей, причины, по которым они поступают так или иначе, психологу необходимо стремиться сформировать у них желание понимать других, ставить себя на их место, а в результате – относиться к другим с большим принятием. Такая работа с подростками-сиротами должна быть направлена на повышение их самооценки, развитию более спокойного и позитивного отношения к людям с постепенным формированием у них понимания причинности происходящих событий и своей роли в них. Помимо прочего совместное обсуждение поможет развитию у подростков индивидуальной способности к осознанию и рефлексии, выступающими компонентами жизнеспособности (Лактионова, 2013а).

Следует обратить внимание на тот факт, что принятие других и самооценка в группе подростков-сирот выше, чем у ребят, обучающихся в специальной школе для детей с девиантным поведением (см. таблицу 4). По-видимому, пока они находятся в интернатном учреждении, позитивную роль может играть феномен детдомовского «мы». Так, Дж. Бойден и Дж. Манн отмечают, что позитивные отношения со сверстниками обеспечивают детей поддержкой вне семьи (Boyden, Mann, 2005). В рамках этих отношений они могут экспериментировать, развивать их и постепенно формировать свои ценности, научиться делиться, помогать друг другу, заботиться друг о друге. Такие отношения становятся особенно важными в период подросткового возраста и юности, смягчая отрицательные эффекты влияния неблагополучия и способствуя появлению чувства собственного достоинства. Этот процесс может способствовать развитию других защитных факторов, таких как ощущение компетентности и умение образовывать другие значимые отношения, сопереживать и чувствовать свою принадлежность к другим.

Дружеские отношения между подростками обеспечивают их, как и взрослых, возможностью быть самими собою, получать поддержку и одобрение, что в результате укрепляет их жизнеспособность (Boyden, Mann, 2005). Р. Страйкер наблюдала за взаимоотношениями сверстников в детском доме в России, в которых дети

старшего возраста, как это и ожидалось от персонала, «смотрели» за детьми младшего возраста. Эти взаимоотношения со сверстниками часто включали обряды инициации и обряды в виде тестов на выносливость. Дети также получали дисциплинарные взыскания со стороны сверстников и обучались, как играть в определенные игры, выполнять поставленные задачи, например, заправку постели. Один из усыновленных мальчиков-подростков из России сказал: «Мне никогда в голову не приходило попросить взрослого, чтобы он помог мне с наведением порядка. Если мне нужна была помощь и я обращался к воспитателю, то, по мнению моих друзей, это означало, что я – тупой, идиот. Так как я не хотел, чтобы меня считали таким, я просил помощи у друзей. Мы помогали друг другу, чтобы получить то, что мы хотели» (Stryker, 2000, p. 82). Дети и подростки вынуждены сохранять верность коллективу, доверять и помогать сверстникам, а не взрослым. Именно таким образом они помогают друг другу выжить.

Внешний локус контроля

Д. Майерс, говоря о внешнем и внутреннем локусе контроля, определяет их как «беспомощность против самоэффективности», связывая последнюю с возможностью контролировать происходящее в своей жизни (Майерс, 2000, с. 133).

Наше исследование показало, что среднее значение показателя внутреннего локуса контроля у подростков-сирот выше, чем у дезадаптивных подростков. Это можно объяснить тем, что сироты живут в более стабильной и понятной им среде с четкими правилами, что дает им возможность понимать свое место и роль в причинности происходящих событий. На этом этапе их жизни социум играет положительную роль и не позволяет им дезадаптироваться (фактор 1 и 3). При выходе же из сиротских учреждений они попадают в мир, живущий по непонятным им правилам, в котором они с трудом ориентируются, что приводит к их социальной дезадаптации. Интернальность в этой группе связана с положительной самооценкой, позитивным отношением к другим людям и состоянием эмоционального комфорта. И наоборот, внешний локус контроля коррелирует с негативной самооценкой и отрицательным отношением к другим людям. Экстернальность снижает их жизнеспособность и уровень социальной адаптации. Неуверенный в себе подросток чувствует беспомощность, из-за этого он не может взять на себя ответствен-

ность за происходящее в его жизни. Не понимая мотивов, движущих поступками других людей, и своей роли во взаимоотношениях, он во всех своих бедах винит других. Следовательно, если психолог ставит себе задачу формирования или усиления интернальности у подростка, ему следует начинать с повышения его уверенности в себе, с развития у него понимания других людей и той роли, которую он сам играет во взаимоотношениях. Для этого он должен хорошо знать индивидуальные ресурсы подростка и то, как и в каких обстоятельствах они эффективно работают, анализируя это в совместных беседах. Для того чтобы привлечь подростка-сироту к такой работе, нужно попросить его (в индивидуальных беседах) рассказать о ситуациях, в которых он, с его точки зрения, смог преодолеть сложности. Совершенно неважно, насколько серьезны эти «победы» по мнению психолога или воспитателя, важна их собственная оценка подростком: «Я сумел с этим справиться!». При этом подросток с удовольствием обсуждает вместе с взрослым, какие именно качества помогли ему в том или ином случае. Такой анализ позволяет ему увидеть себя «другими глазами». Одним из основных положений подобной работы является уважительное, доброжелательное и заинтересованное отношение взрослого, которое уже само по себе помогает формировать у подростка чувство собственного достоинства и самоуважение, без чего невозможны развитие социальной компетентности, позитивного, уважительного отношения к людям и, как следствие, внутреннего локуса контроля.

Согласно данным исследований, наиболее успешные молодежные развивающие программы имеют пять общих черт.

1. Они формируют учебную, социальную и профессиональную компетентность.
2. Повышают уверенность в себе и самооценку.
3. Помогают налаживать хорошие отношения со взрослыми воспитателями и со сверстниками.
4. Способствуют формированию характера и позитивных ценностей.
5. Пропагандируют заботу о других и сострадание (Roth et al., 1998; Roth, 2002).

Успешные программы для подростков и молодых людей предоставляют три типа поддержки: эмоциональную (в том числе обучение, формирующее навыки эмоциональной регуляции и когнитивного

контроля), мотивационную (в ходе обсуждения высоких стандартов их жизни в будущем), стратегическую (в форме помощи в планировании и обеспечении средствами). Услуги по таким программам должны быть длительными, а не кратковременными (Райс, Долджин, 2012, с. 752). При этом, безусловно, требуются долговременные исследования, позволяющие реально оценивать результативность таких программ.

На основании результатов наших работ мы можем сделать вывод о том, что любое социальное влияние должно иметь своей целью формирование у тех, на кого оно направлено, личностных ресурсов, а также знаний, умений и навыков, которые позволят им функционировать самостоятельно и независимо, развивать собственную активность (Лактионова, 2014). Социальные влияния, ставящие «подпорки», с помощью которых ребенок, подросток или взрослый человек только и может существовать, наоборот, вырабатывают у него зависимость и беспомощность или, что хуже, иждивенческую позицию «Мне должны». В этом случае не формируются уверенность в собственных силах и способность справляться с будущими проблемами, так как человек, защищенный только внешними факторами жизнеспособности (социум, взаимоотношения), не развивает собственной жизнеспособности (Лактионова, 2013б).

Выводы

Условия интернатной среды, в которой воспитываются подростки-сироты, формируют у них общий тип личности, характеристиками которого являются недоразвитие когнитивной и эмоциональной сфер, нарушения самоконтроля и межличностных отношений. Все перечисленные особенности подростков-сирот не относятся к проявлениям психической патологии, а лишь определяют общие их психологические черты.

Все вышесказанное затрудняет социализацию выпускников интернатных учреждений. Показатели более высокой социальной адаптации и жизнеспособности подростков-сирот по сравнению с подростками, обучающимися в школе для детей с девиантными формами поведения, не позволяют прогнозировать успешность их дальнейшей социализации.

Для жизнеспособности и социальной адаптации подростков-сирот в постинтернатный период необходимо формировать их лич-

ностные качества, которые позволяют им не только справиться с трудностями, но и позитивно развиваться в будущем. К ним относятся: позитивная самооценка, принятие других людей, внутренний локус контроля. Формирование этих качеств возможно только при уважительном, доброжелательном и заинтересованном отношении педагогов и психологов, работающих с подростками-сиротами.

Литература

- Авдеева Н. Н, Хаймовская Н. А. Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и доме ребенка. М.: Смысл, 2003.
- Анциферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–19.
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
- Быков С. В. Диагностика локуса контроля личности в асоциальных подростковых группах // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 34–43.
- Ваништендаль С. «Резильентность», или оправданные надежды: Раненный, но непобежденный. Женева: Vice, 1998.
- Венар Ч., Кериг П. Психопатология развития детского и подросткового возраста. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.
- Егорова М. С., Зырянова Н. М., Паршикова О. В., Пьянкова С. Д., Чертова Ю. Д. Генотип. Среда. Развитие. М.: ОГИ, 2004.
- Иовчук Н. М., Северный А. А., Морозова Н. Б. Детская социальная психиатрия для непсихиатров. СПб.: Питер, 2008.
- Корниенко Д. С. Генетические и средовые факторы в свойствах формально-динамического уровня интегральной индивидуальности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 58–65.
- Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2001.
- Лактионова А. И. Взаимосвязь жизнеспособности и социальной адаптации подростков: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Лактионова А. И. Структурно-уровневая организация жизнеспособности как метаспособности // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013а. С. 109–127.
- Лактионова А. И. Жизнеспособность как ресурс социальной адаптации у подростков // Психологические проблемы современно-

- го российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013б. С. 232–253.
- Лактионова А. И.* Формирование жизнеспособности подростков // Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 224–247.
- Лактионова А. И., Махнач А. В.* Жизнеспособность как фактор адекватного профессионального самоопределения и социализации // Социальная психология труда: Теория и практика / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 457–474.
- Лангмейер Й., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2000.
- Макаренко А. С.* Проблемы школьного советского воспитания. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1949.
- Махнач А. В.* Социальная модель как парадигма исследований жизнеспособности человека // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2 (38). С. 46–53.
- Махнач А. В., Лактионова А. И.* Личностные и поведенческие характеристики подростков как фактор их жизнеспособности и социальной адаптации // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 67–82.
- Миллер Л. В.* Социально-психологическая адаптация мигрантов в новой социальной среде: проблемы исследования // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 149–168.
- Мухина В. С.* Изобразительная деятельность ребенка как форма усвоения социального опыта. М.: Педагогика, 1981.
- Мэш Э., Вольф Д.* Детская патопсихология: нарушения психики ребенка. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Развитие личности в условиях психической депривации // Формирование личности в онтогенезе. М.: Просвещение, 1991. С. 99–104.
- Прихожан А. М., Толстых Н. Н.* Психология сиротства. М.: Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения, 2007.
- Психология социальной работы / ред. М. А. Гулина. СПб.: Питер, 2002.

- Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2012.
- Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008.
- Реан А. А. Практическая психодиагностика личности. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001.
- Русалов В. М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 66–91.
- Селиванов В. В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск: Универсум, 2003.
- Сергиенко Е. А. Развитие модели психического как ментальный механизм становления субъекта // Субъект, личность, психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 113–146.
- Сергиенко Е. А., Лебедева Е. И., Прусакова О. А. Модель психического в онтогенезе человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989.
- Усынина Т. П. Проблема социоэмоционального развития детей, воспитывающихся в учреждениях интернатного типа // Образование и саморазвитие. 2009. № 6 (16). С. 123–126.
- Хорни К. Невроз и развитие личности: Собр. соч.: В 3-х тт. М.: Смысл, 1997. Т. 3. С. 36–37.
- Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
- Boyden J., Mann G. Children's risk, resilience, and coping in extreme situations // Handbook for working with children and youth: Pathways to resilience across cultures and contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. P. 3–26.
- Browne K. D., Hamilton-Giachritsis C. E., Johnson R., Ostergren M. Overuse of institutional care for children in Europe // British Medical Journal. 2006. V. 332. P. 485–487.
- Fairbairn W. R. D. The repression and return of bad objects (with special references to the «war neuroses») // Psychoanalytic studies of the personality. London: Routledge and Kegan Paul, 1952. P. 59–81.
- Fayombo G. The relationship between personality traits and psychological resilience among the Caribbean adolescents // International Journal of Psychological Studies. 2010. V. 2 (2). P. 1013–1114.

- Greenough W. T., Black J. E., Wallace C. S.* Experience and brain development // *Child Development*. 1987. V. 58. P. 539–559.
- Grotberg E. H.* A guide to promoting resilience in children: Strengthening the human spirit. From the early childhood development: Practice and reflections series. The Hague: The Bernard van Leer Foundation, 1995.
- Ijzendoorn M. H., van, Luijk M. P. C. M., Juffer F.* IQ of children growing up in children's homes: A meta-analysis on IQ delays in orphanages // *Merrill-Palmer Quarterly*. 2008. V. 54 (3). P. 341–366.
- Kaler S. R., Freeman B. J.* Analysis of environmental deprivation: Cognitive and social development in Romanian orphans // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1994. V. 35. P. 769–781.
- Kobasa S. C.* Stressful life events personality and health: an enquiry into hardiness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. V. 37. P. 1–11.
- Luthar S. S., Cicchetti D., Becker B.* The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. V. 71 (3). P. 543–562.
- Luthar S. S.* Annotation: Methodological and conceptual issues on research on childhood resilience // *Pediatric Annals*. 1993. V. 20 (9). P. 501–506.
- MacLean K.* The impact of institutionalization on child development // *Development and Psychopathology*. 2003. V. 15. P. 853–884.
- Mallmann S.* Building resilience in children affected by HIV/AIDS. Namibia: Longman Namibia Inc., 2003.
- Masten A., Coatsworth J. D.* The development of competence in favorable and unfavorable environments: Lessons from research on successful children // *American Psychologist*. 1998. V. 53. P. 205–220.
- Nelson C. A., Bos K., Gunnar M., Sanuga-Barke E. J. S.* The neurobiological toll of early human deprivation // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 2011. V. 76 (4). P. 127–146.
- Nyamukapa C. A., Gregson S., Lopman B., Salto S., Watts H. J., Mohasch R., Jukes M. C. H.* HIV-associated orphanhood and children's psychosocial distress: Theoretical framework tested with data from Zimbabwe // *American Journal of Public Health*. 2008. V. 98 (4). P. 133–141.
- Parker S. W., Nelson C. A.* The impact of deprivation on ability to discriminate facial expressions of emotion: an event-related potential study // *Child Development*. 2005. V. 76. P. 621–639.
- Pines M.* PT conversations: Resilient children // *Psychology Today*. 1984. V. 12 (8). P. 53–63.

- Richter L.* The impact of HIV/AIDS on the development of children // A generation at risk? HIV/AIDS, vulnerable children and security in South Africa / R. Pharoah (Ed.) // ISS Monograph Series. №. 109. Pretoria: Institute for Security Studies. 2004. P. 9–31.
- Rosenbith J. R., Sims-Knight J.* In the beginning: Development in the first two years of life. Monterey: Brooks Cole, 1992.
- Rutter M.* Psychosocial resilience and protective mechanisms // American Journal of Orthopsychiatry. 1987. V. 57 (3). P. 316–331.
- Rutter M.* Psychosocial resilience and protective mechanisms // Risk and protective factors in the development of psychopathology / J. Rolf, A. S. Masten, D. Cicchetti, K. H. Nuechterlein, S. Weintraub (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 181–214.
- Rutter M. and the English and Romanian Adoptees (ERA) study team* Developmental catch-up, and deficit, following adoption after severe global early privation // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1998. V. 39. P. 465–476.
- Stryker R.* Ethnographic solutions to the problems of Russian adoptees // Anthropology of East Europe Review. 2000. V. 18 (2). P. 79–84.
- Sutherland J. D.* Fairbairn's journey into the interior. London: Free Association Books, 1989.
- The invulnerable child / E. J. Anthony, B. J. Cohler (Eds.). NY: Guilford Press, 1987.
- Ungar M., Clark S. E., Kwong W, Makhnach A., Cameron C. A.* Studying resilience across cultures // Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work. 2005. V. 14 (3/4). P. 1–19.
- Vaillant G. E.* Aging well: Surprising guideposts to a happier life from the landmark Harvard study of adult development. NY: Little, Brown and Co., 2002.
- Werner E. E.* Risk, resilience, and recovery: Perspectives from the Kauai longitudinal study // Development and Psychopathology. 1993. V. 5. P. 503–515.
- Williams N. R.* Surviving violence: Resilience in action at the micro level // Resiliency: An integrated approach to practice, policy and research / R. R. Greene (Ed.). Washington: NASW Press, 2002. P. 195–215.
- Yasin M. G., Iqbal N.* Resilience, self-esteem and delinquent tendencies among orphan and non-orphan adolescents // UOS Journal of Social Sciences and Humanities. 2013. V. 2 (1). P. 1–18. URL: <http://uos.edu.pk/wp-content/uploads/2014/07/P-1-18.pdf> (дата обращения: 07.12.2014).